

ОСОБЕННОСТИ ЗЕМЕЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ КРЕСТЬЯН ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ В 60–90-е ГОДЫ XIX ВЕКА¹

**А.В. ПЕРЕПЕЛИЦЫН
В.Н. ФУРСОВ**

Воронежский государственный педагогический университет

В статье исследуются наиболее существенные аспекты крестьянского землевладения и землепользования в Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской губерниях в 60–90-е гг. XIX в. Особое внимание уделено выявлению усилий крестьян по обеспечению стабильности своего хозяйствования.

Ключевые слова: крестьянское хозяйство, землевладение, землепользование.

Вплоть до начала XX в. Россия оставалась крестьянской страной, в которой мелкое крестьянское хозяйство составляло основу сельского хозяйства, во многом определяя весь строй экономических отношений. Наиболее существенным фактором эволюции крестьянского хозяйства являлась земельная обеспеченность.

В результате осуществления аграрных реформ 1860-х гг. распределение земли между различными категориями крестьян оказалось неравномерным. Государственная деревня в Центральном Черноземье получила земельную прирезку, составившую в Воронежской губернии 11,6 % (323 000 дес.) дореформенного надела, в Курской губернии – 4,8 % (83 203 дес.), в Тамбовской губернии – 3,8 % (76 219 дес.). Исключение составила Орловская губерния, в которой было отрезано 10,2 % (102 708 дес.) находившейся у государственных крестьян до реформы земли. Возможно, это стало результатом уточнения данных проведенного накануне и в ходе реформы межевания. Помещичья деревня во всех четырех центрально-черноземных губерниях лишилась многих земельных угодий. Воронежские помещичьи крестьяне потеряли 26,7 % дореформенного надела (167 690 дес.), курские – 15,8 % (126 913 дес.), орловские – 16,5 % (183 877 дес.), тамбовские – 13,1 % (126 120 дес.)².

В результате введения уставных грамот бывшие помещичьи крестьяне получили неодинаковые по величине наделы. Почти половина наделов бывших помещичьих крестьян района (46,8 %) была от 2 до 3 дес. Эта величина надела оказалась преобладающей для крестьян Курской губернии, тогда как в Орловской и Тамбовской губерниях чаще встречался надел в 3 дес., а в Воронежской – 3,5 дес.³ Совершенно справедливо отмечалось в докладе Задонской уездной управы Воронежской губернии: «Когда крестьянству приходится тесниться на таких ничтожных клочках земли, то оно не только не в состоянии вынести тяготы ... неурожая, но едва в состоянии поддерживать свое личное существование и в средние по урожайности годы»⁴. С переходом на выкуп, растянувшимся до начала 1880-х гг., крестьянский надел в Воронежской губернии еще сократился в среднем на 3,7 %, в Курской губернии – на 1,6 %, в Тамбовской губернии – на 2,4 % и лишь в Орловской губернии незначительно увеличился за счет приращения к наделам в уездах с наименее благоприятной для земледелия почвой⁵.

В центрально-черноземных губерниях преобладало наделное общинное землевладение, распространявшееся на все категории крестьян. Оно составляло главную

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 08-01-56-103 а/Ц.

² Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. М., 1978. С.109; Литвак Б.Г. Русская деревня в реформе 1861 г. Черноземный центр 1861–1895 гг. М., 1972. С.180, 184, 186, 191.

³ Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. М., 1991. С.158.

⁴ Государственный архив Воронежской области. Ф. И-20. Оп.31. Д.17. Л.3.

⁵ Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива. С.177.

материальную основу крестьянского хозяйства и не оставалось неизменным в течение пореформенного периода. Площадь наделной земли в Воронежской губернии в 1877 г. составляла 3 758 505 дес., в 1881 г. – 3 923 912 дес., в 1887 г. – 3 916 716 дес., в 1905 г. – 3 746 442 дес.; в Курской губернии, соответственно по годам, – 2 457 032, 2 543 192, 2 576 499, 2 455 363 дес.; в Орловской губернии – 2 006 299, 2 044 997, 2 059 673, 2 009 101 дес.; в Тамбовской губернии – 2 979 110, 3 078 262, 3 090 782, 2 848 238 дес.⁶ Как видим, в Воронежской, Курской и Тамбовской губерниях вплоть до начала 1880-х гг. наблюдалось увеличение площади наделной земли, а затем произошло ее сокращение. Наиболее значительным оно было в Тамбовской губернии, потерявшей к 1905 г. по сравнению с 1877 г. более 130 тысяч дес. В двух других губерниях уменьшение было не столь ощутимым, но все равно и в них крестьянский надел стал меньше, чем был в 1877 г. В Орловской губернии сокращение наделных земель началось несколько позже, с конца 1880-х гг., и к 1905 г. их площадь немного превышала уровень 1877 г.

Неравномерность в распределении наделных земель между различными категориями крестьян являлась характерной чертой пореформенной деревни. По материалам переписи поземельной собственности 1877 г. в распоряжении бывших помещичьих крестьян в Воронежской губернии находилось 15,3 % наделной удобной земли, бывших государственных крестьян – 84,5 %, бывших удельных крестьян – 0,2 %; в Курской губернии, соответственно по категориям крестьян, – 25,57 %, 74,4 %, 0,03 %; в Орловской губернии – 47,1 %, 46,0 %, 6,9 %; в Тамбовской губернии – 27,8 %, 72,2 %, 0 %; а в целом по району – 26,8 %, 72,0 %, 1,2 %⁷. То есть, в Центральном Черноземье наблюдалось преобладание наделного фонда бывших государственных крестьян. Лишь в Орловской губернии у них земли было несколько меньше, чем у бывших помещичьих крестьян. При этом в ней имелся более значительный, чем в других губерниях, земельный клин бывших удельных крестьян. Удельные крестьяне отсутствовали в Тамбовской губернии, совсем небольшим было их землевладение в Воронежской и Курской губерниях.

Для анализа состояния землевладения важным показателем является величина средних душевых наделов. Она не оставалась неизменной в течение пореформенного периода. В самом худшем положении оказалась помещичья деревня, в которой с начала 1860-х гг. до 1877 г. средние душевые наделы уменьшились в Воронежской губернии с 2,4 до 1,96 дес., в Курской губернии – с 2,2 до 1,82 дес., в Орловской губернии – с 2,9 до 2,38 дес., в Тамбовской губернии – с 2,5 до 2,02 дес. Душевой надел бывших государственных крестьян сократился в первой губернии с 5,6 до 4,36 дес., во второй – с 4,3 до 3,48 дес., в третьей – с 4,1 до 3,33 дес., в четвертой – с 5,0 до 3,88 дес.⁸ То есть, сокращение среднедушевых наделов происходило у всех категорий центрально-черноземного крестьянства. Оно составляло в хозяйствах бывших государственных крестьян от 22,4 % в Тамбовской губернии до 18,8 % в Орловской, в хозяйствах бывших помещичьих крестьян от 19,2 % опять же в Тамбовской губернии до 17,3 % в Курской

⁶ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып. 1: Губернии центральной черноземной области. СПб., 1880. С.6–7, 32–33, 140–141, 162–163, 174–175, 198–199, 210–211, 234; Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.4: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. СПб., 1884. Табл.Б. С.346–352; Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб., 1889. Т.22. Вып.9. С.5; Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб., 1889. Т.22. Вып.20. С.5; Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб., 1889. Т.22. Вып.29. С.5; Статистика Российской империи. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года. СПб., 1889. Т.22. Вып.42. С.5; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.5. С.38; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.20. С.36; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.24. С.38; Статистика землевладения 1905 г. СПб., 1906. Вып.37. С.39.

⁷ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып.1: Губернии центральной черноземной области. С.33, 163, 199, 234.

⁸ Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.10: Поземельная собственность Европейской России. 1877–1878 гг. СПб., 1886. С.42–61.

губернии, а в хозяйствах бывших удельных крестьян от 20,2 % в Воронежской губернии до 11,8 % в Курской губернии. В результате обеспеченность крестьянства в центрально-черноземных губерниях землей была самой низкой в сравнении с другими экономическими районами. Если же пересчитать средние размеры землевладения применительно к крестьянским дворам, то получалось, что на один двор в 1877 г. у бывших помещичьих крестьян приходилось 6,7 дес., у бывших государственных крестьян – 15,1 дес., у бывших удельных крестьян – 14,2 дес.⁹ Реальное распределение земли между крестьянами было еще более неравномерным. В одних общинах на душу приходилось менее десятины, а в других более 15 дес. Определенное количество крестьян вообще не имело земельных наделов. К примеру, в Воронежской губернии в 1893 г. насчитывалось 12 754 безземельных двора (4,4 % общего числа), а в Тамбовской губернии – 8 902 (3,2 %) ¹⁰. Такое положение сложилось в результате длительного исторического развития, закрепленного аграрным законодательством 1860-х гг.

Сельские общины условно принято подразделять на малоземельные, имевшие до 2 дес. земли на ревизскую душу, среднеземельные – до 5 дес. и многоземельные – свыше 5 дес.¹¹ В центрально-черноземных губерниях в конце 1870-х гг. в малоземельных общинах проживало 395 254 крестьянина (11,0 %), в среднеземельных – 2 183 296 (62,5 %), в многоземельных – 951 995 (26,5 %), тогда как по 30 губерниям Европейской России, соответственно, 9,59 %, 55,74 %, 34,67 % ¹². Как видно, доля первой и второй групп общин в Центральном Черноземье была больше, а многоземельных обществ – меньше. По данным правительственной статистики и земских учреждений, минимальный размер душевого надела, необходимый для нормальной жизни и деятельности, определялся в 5 дес.¹³ Этой нормы не получили 73,5 % крестьян центрально-черноземных губерний. Член Тамбовской губернской земской управы Л.Д. Брюхатов отмечал, что «крестьянское землевладение находится у нас в ненормальном положении. ... Малоземелье – вот одно из основных неблагоприятных явлений, подрывающих экономическое благосостояние нашего крестьянства» ¹⁴. Наиболее тяжелая ситуация сложилась у бывших помещичьих крестьян, 25,2 % которых проживало в малоземельных обществах, 74,5 % – в среднеземельных и 0,3 % – в многоземельных. Гораздо лучше обстояли дела у бывших государственных крестьян: соответственно, 1,3 %, 53,1 % и 45,6 %. Особенно выделялась Воронежская губерния, в которой надел 65,2 % бывших государственных крестьян превышал 5 дес.¹⁵

Проблема малоземелья крестьян еще на рубеже XIX–XX вв. вызывала ожесточенные споры не только научного, но и политического характера. Большинство земских статистиков и многие дореволюционные исследователи считали малоземелье крестьян центральных губерний не абсолютным, а относительным ¹⁶. Переход к более интенсивному земледелию, связанному с внедрением удобрений, улучшенных семян и сортов, правильных севооборотов, с совершенствованием обработки почвы и т. д., по их мнению, мог позволить и с имеющихся наделов получать урожаи, достаточные для пропитания крестьянских семей и ведения хозяйства.

⁹ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып.1: Губернии центральной черноземной области. С.33, 163, 199, 234.

¹⁰ Лохтин П. Безземельный пролетариат в России. М., 1905. С.174.

¹¹ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. С.119.

¹² Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.10: Поземельная собственность Европейской России. 1877–1878 гг. С.44–61; Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. С.119.

¹³ Янсон Ю. Опыт статистического исследования о крестьянских наделах и платежах. СПб., 1881. С.70–71.

¹⁴ Труды местных комитетов о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Вып.41: Тамбовская губерния. СПб., 1903. С.33.

¹⁵ Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.10: Поземельная собственность Европейской России. 1877–1878 гг. С.44–61.

¹⁶ Более подробно см.: Тюкавкин В.Г. Великолукское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001. С.63–69.

Эти вопросы активно обсуждаются и в современной литературе. Н.Л. Роголина в аналитической статье, посвященной аграрному кризису начала XX в., подвергла критике «теорию малоземелья», рассматривавшую «малоземелье как непосредственный результат наделения трудового крестьянства землей при освобождении от крепостной зависимости, как следствие кабальных условий аренды помещичьей земли, высоких платежей и налогов»¹⁷. «Действительные проблемы отечественного сельского хозяйства, – отметила она, – состояли в его технической слабости, низком уровне производительности труда и урожайности культур, продуктивности животноводства, в отсталой агротехнике»¹⁸.

В самом деле, Россия, как и другие ведущие страны, шла по пути индустриализации, неизбежным следствием которой должно было стать значительное сокращение населения, проживающего в сельской местности. Общая реорганизация народного хозяйства, создание передовой промышленности требовали преодоления архаичности деревни, подъема сельскохозяйственного производства, и, безусловно, незначительное дополнительное наделение крестьян землей не только не могло существенно обеспечить этого, но и должно было способствовать консервации многих прежних проблем. В тоже время указанные процессы должны были проходить не за счет неимоверных лишений крестьян, а путем поддержки их хозяйства, создания условий для цивилизованного перемещения части крестьянства в промышленный сектор экономики и модернизации сельскохозяйственного производства.

Преодоление технической слабости сельского хозяйства, значительный подъем производительности труда и урожайности культур, внедрение передовой агротехники зависели не только от сознательности и культурности крестьянства, но, в первую очередь, от общего развития народного хозяйства и проводимой государственной политики. «Наше экономическое благосостояние мы должны строить на естественном его фундаменте – благосостоянии русского мужика»¹⁹, – писал российский ученый И.Х. Озеров. Эта простая истина так и не была осознана правительством страны. Проводя политику индустриализации, правительство доходы от сельского хозяйства вкладывало, в основном, в промышленность, облагало высокими пошлинами экспортируемую аграрную и импортируемую промышленную продукцию, увеличивало косвенные налоги. Значительно тормозилось развитие сельского хозяйства низкими ценами на хлеб и другую продукцию, трудностями реализации урожая, неразвитостью цивилизованного кредита.

Постоянный земельный голод значительной части крестьян заставлял их искать всевозможные источники расширения площади своего землевладения. В сферу активно используемых сельскохозяйственных угодий вовлекались имевшиеся в наделах неудобья, нераспаханные, целинные и заброшенные земли, луга, пастбища, лесные угодья. Распашка таких земель производилась и в дореформенный период, но после аграрных реформ ее темпы значительно увеличились, остро встал вопрос о превышении допустимого предела распашки земель, за которым дальнейшее увеличение пахотных площадей влекло за собой деградацию сельского хозяйства. Отношение пашни к остальным землям в 1864 г. составляло в Воронежской губернии 60,2 %, в Курской губернии – 67,0 %, в Орловской губернии – 55,0 %, в Тамбовской губернии – 60,0 %; в 1881 г., соответственно по губерниям, – 77,7 %, 80,8 %, 81,2 %, 79,5 %; а в 1900 г. – 82,2 %, 88,9 %, 84,2 %, 84,1 %²⁰. По мнению специалистов, уже в начале 1880-х гг. практически на всей территории Центрального Черноземья оказался достигнутым предельно допустимый процент распашки земель.

¹⁷ Роголина Н.Л. Аграрный кризис в российской деревне начала XX века // Вопросы истории. 2004. №7. С.14.

¹⁸ Там же. С.12.

¹⁹ Озеров И.Х. Экономическая Россия и ее финансовая политика на исходе XIX и в начале XX века. М., 1905. С.72.

²⁰ Статистический временник Российской империи. Сер.1. Т.1. СПб., 1866. Отд.1. С.158; Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.4: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. Табл.В. С.4–15; Материалы Комиссии 1901 г. СПб., 1903. С.82.

Важным способом расширения землепользования крестьян являлась аренда земли. Центральнo-черноземные губернии относились к регионам с наиболее развитыми арендными отношениями²¹. Фонд арендной земли формировался, прежде всего, за счет земель частных владельцев, а также крестьянской наделной, казенной, удельной земли.

Нужда в аренде была повсеместной. В первую очередь крестьяне старались арендовать отрезки и те земли, которые вклинивались в крестьянские наделы. По данным Центрального статистического комитета, в 1881 г. пашня составляла в Воронежской губернии 69,1 % снятой в наем земли, луга и выгоны – 30,9 %; в Курской губернии, соответственно, 88,1 % и 11,9 %; в Орловской губернии – 65,8 % и 34,2 %; в Тамбовской губернии – 74,9 % и 25,1 %²². Иными словами, в Центральном Черноземье в аренду брались, прежде всего, пахотные участки, составлявшие по губерниям от 65,8 % до 88,1 % всей арендованной земли.

Аренда земли являлась существенным фактором в развитии крестьянского хозяйства и имела явно выраженную тенденцию к росту. Если в 1881 г. в аренде в центрально-черноземных губерниях находилось 1 481 934 дес. земли (12,8 % по отношению к наделной земле), то в 1900 г. – 2 322 500 дес. (20,5 % к наделной земле). Лидирующие позиции занимала Тамбовская губерния, в которой площадь арендованной крестьянами земли увеличилась с 392 659 до 848 800 дес., далее располагались Воронежская губерния – с 395 813 до 603 200 дес., Курская губерния – с 389 128 до 512 400 дес., Орловская губерния – с 304 334 до 358 100 дес.²³

Аренда земли не могла устранить различий в земельном обеспечении крестьянских хозяйств, а, наоборот, обычно усиливала их. Массовые земские переписи 1884–1891 гг. в Воронежской губернии показали, что 31 620 зажиточных хозяйств (24,3 % всех хозяйств) с 25 дес. и более арендовали 286 982,7 дес. (37,5 % от всего количества снятой земли), что составляло, в среднем, по 13,7 дес. на двор²⁴. В то же время в низшей группе на один двор приходилось, в среднем, по 3,9 дес. арендованной земли. В первом случае речь шла о «предпринимательской» аренде, целью которой являлось получение прибыли, выгодное расширение хозяйства, а во втором – о потребительской аренде «из нужды», к которой прибегали для поддержания хозяйства и удовлетворения самых необходимых потребностей в продовольствии, фураже, семенах.

По срокам аренда делилась на краткосрочную, преобладавшую в Центральном Черноземье, и долгосрочную. Земские статистики отмечали, что, к примеру, в Воронежском уезде (данные 1884 г.) 6 982 хозяйства прибегали к аренде наделных земель на один год, а 890 предпочитали долгосрочную аренду (в 7,8 раза меньше); в Острогожском уезде (данные 1885 г.) единоличную вненаделную аренду на один год использовали 7 265 хозяйств и долгосрочную – 909 (в 8,0 раз меньше)²⁵. В Орловской губернии в 2 076 обследованных сельских обществах прибегали к аренде на один год и в 604 общинах (в 3,4 раза меньше) – на несколько лет²⁶.

После аграрных реформ 1860-х гг. земля стала предметом независимой купли-продажи. Это означало прекращение монополии дворян на землю и начало ее свободной мобилизации. Среди частных землевладельцев появились и крестьяне. Земля приобреталась или общиной, или товариществом и потом делилась пропорционально вложенным суммам, или индивидуально.

²¹ Моисеенко Т.Л., Швейковская Е.Н. Аренда земельная // Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года: Энциклопедия. М., 1994. Т.1. С.102.

²² Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.4: Распределение земель по угодьям в Европейской России за 1881 год. С.346, 350, 352.

²³ Там же. Табл.Б. С.363-369, 388-389; Материалы Комиссии 1901 г. С.82, 148.

²⁴ Сводный сборник по 12 уездам Воронежской губернии. Воронеж, 1897. С.68.

²⁵ Славичские З.М. и Н.А. Земские подворные переписи 1880–1913. Поуездные итоги. М., 1926. С.143, 144.

²⁶ Кашкаров М. Статистический очерк хозяйственного положения крестьян Орловской и Тульской губерний. СПб., 1902. С.26.

В Воронежской губернии в 1905 г. в личной собственности 3 965 крестьян находилась 161 779 дес. земли (44,9 % частных владений крестьян), 136 сельским обществам принадлежало 55 251 дес. (15,3 %), 506 товариществам – 143 410 дес. (39,8 %)²⁷. Все это количество частной земли крестьян составляло 9,6 % от площади наделных земель. По сравнению с 1877 г. площадь частных владений, принадлежавших крестьянам, увеличилась с 71 833 дес. (67 530 дес. личной собственности и 4 303 дес. крестьянских обществ) до 360 440 дес. (на 401,8 %)²⁸, то есть, крестьяне значительно активизировали свою деятельность по приобретению земли в частную собственность.

Быстрый рост цен затруднял ее покупку для большинства деревенского населения. Цены на землю держались на высоком уровне в течение всего пореформенного периода и имели тенденцию к росту. Так, одна десятина в Воронежской губернии в 1863–1867 гг. стоила, в среднем, 35,2 руб., в 1868–1872 гг. – 46,1, в 1873–1877 гг. – 52,1, в 1878–1882 гг. – 52,6, в 1883–1887 гг. – 70,2, в 1888–1892 гг. – 83,2, 1893–1897 гг. – 79,8; в Курской губернии, соответственно, – 29,9 руб., 49,0, 54,9, 64,4, 92,2, 103,9, 117,8; в Орловской губернии – 29,9 руб., 43,3, 35,5, 51,2, 66,3, 83,1, 81,8; в Тамбовской губернии – 25,6 руб., 36,4, 56,7, 57,1, 69,1, 71,1, 63,9²⁹. Как видим, средняя по указанным пятилетиям цена десятины земли за пореформенный период повсеместно выросла. Ее увеличение с первого до последнего пятилетия составило в Воронежской губернии 126,7 %, в Курской губернии – 294,0 %, в Орловской губернии – 173,6 %, в Тамбовской губернии – 149,6 %. Некоторое снижение цены в 1893–1897 гг. относительно предыдущего пятилетия в Воронежской, Орловской, Тамбовской губерниях было связано с голодом 1891–1892 гг., но затем она снова стала расти. При этом нужно учитывать, что конкретные земельные цены имели значительные колебания по годам, уездам, селениям.

Несмотря на дороговизну земли, торгово-земельный оборот активно развивался, что значительно изменило структуру частной земельной собственности. Общая тенденция заключалась в сокращении дворянского землевладения. С 1877 по 1905 г. в Центральном Черноземье оно уменьшилось с 5 368 847 до 3 812 612 дес., то есть на 29,0 %. За это же время крестьяне увеличили частные владения с 390 132 до 830 754 дес., то есть, с 6,0 % до 14,5 % от общего количества частновладельческой земли³⁰. В суммарном объеме крестьянского землевладения это составило чуть более 7,5 %. Однако, сам факт роста у крестьян площади покупных земель отражал проникновение в деревню товарно-денежных отношений, связанных с развитием буржуазных отношений в деревне. По официальным данным, в 1877 г. воронежским крестьянам принадлежало 4,3 % частновладельческих земель губернии, тамбовским – 5,2 %, орловским – 6,8 %, курским – 9,9 %; а в 1887 г., соответственно, 7,5 %, 7,5 %, 11,7 %, 13,1 %³¹. Как видно, за десятилетие произошло значительное и абсолютное, и относительное увеличение частновладельческих крестьянских земель во всех губерниях. При этом более высокий уровень покупки крестьянами земли в частную собственность наблюдался в Курской губернии.

Земскими подворными переписями было установлено, что в Воронежской губернии (данные 1884–1891 гг.) насчитывалось 5 718 крестьянских хозяйств с купчей землей (1,8 % от общего количества), которыми было приобретено в собственность 84 367 дес. (в среднем, 14,8 дес. на двор); в Курской губернии (данные 1881–1885 гг.) – 14 294 хозяйства (4,8 %) со 115 559 дес. покупной земли (8,1 дес. на двор); в Тамбовской

²⁷ Статистика землевладения 1905 г. Вып.5: Воронежская губерния. СПб., 1906. С.37.

²⁸ Там же. С.10–11, 37.

²⁹ Материалы Комиссии 1901 г. С.93.

³⁰ Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России. Вып.1: Губернии центральной черноземной области. Приложения. С.20, 153, 187, 223; Статистика землевладения 1905 г. Вып.5. С.39; Статистика землевладения 1905 г. Вып.20. С.37; Статистика землевладения 1905 г. Вып.24. С.39; Статистика землевладения 1905 г. Вып.37. С.39.

³¹ Свод статистических сведений по сельскому хозяйству России к концу XIX века. Вып.1. СПб., 1902. С.24–25.

губернии (данные 1880–1884 гг.) – 7 419 хозяйств (2,3 %) с 81 616 дес. (11,0 дес. на двор)³².

Покупка земли производилась чаще всего зажиточными крестьянами. По подсчетам Н.М. Дружинина, в группу личных собственников, приобретших до 10 дес., входили в основном представители среднего крестьянства, часть обедневших крестьян в составе сельской общины или товарищества. Вторую группу владельцев, купивших от 11 до 100 дес., представляли зажиточные крестьяне, а третью группу хозяев, сумевших найти средства на приобретение свыше 101 дес., составляли самые богатые слои деревни³³. Показатели по центрально-черноземным губерниям подтверждают данное положение. В 1877 г. низшей группе принадлежало 20,4 % всех купленных земельных угодий, а в 1905 г. лишь 15,1 %, хотя общее число владельцев увеличилось с 22 500 до 31 108. В тоже время на вторую и третью группы в Воронежской губернии приходилось в 1877 г. 89,6 %, а в 1905 г. уже 94,5 % земли, находившейся у них на праве частной собственности; в Курской губернии, соответственно по годам, 69,4 % и 74,3 %, в Орловской губернии – 78,5 % и 83,4 %, в Тамбовской губернии – 87,9 % и 92,0 %³⁴. Покупка земли не могла устранить крестьянское малоземелье и вела на практике к росту имущественного расслоения в деревне, увеличивая земельные площади зажиточных, частично средних и в малой мере бедных крестьян.

Таким образом, сложившаяся после 1861 г. система землевладения и землепользования, являвшаяся компромиссной на стадии принятия аграрного законодательства, оказалась чрезвычайно тяжелой для большинства центрально-черноземного крестьянства. Она не получила сколько-нибудь серьезного развития в пореформенном законодательстве, оказалась неадекватной и негибкой по отношению к реальным процессам, проходившим в деревне. Власти не смогли дать внятного ответа на такие проблемы пореформенного развития, как значительный рост численности сельского населения, сокращение душевых наделов всех разрядов крестьян, растущее аграрное перенаселение. В результате, развитие крестьянского хозяйства осложнялось и тормозилось наличием малоземелья, которое для беднейших хозяйств не могло быть устранено ни с помощью аренды, ни за счет покупки новых земель. Правительство и общество обязаны были принимать меры, решавшие или смягчавшие проблемы сельского хозяйства и сельского населения, поскольку в деревне проживали живые люди, являвшиеся подданными страны. Невнимание к вопросам крестьянского землевладения и землепользования, в том числе и к проблеме малоземелья, игнорирование трудностей жизни крестьянства, иными словами, серьезные просчеты в аграрной политике, привели к тяжелым социальным потрясениям в начале XX в.

PECULIARITIES OF THE PEASANTS LAND RELATIONS IN THE CENTRAL BLACK SOIL REGION DURING 60-80-ties OF THE XIX CENTURY

**A.V. PEREPELITCIN,
V.N. FURSOV**

Voronezh State Pedagogic University

The most significant views of the peasant land-possession and land-using in the Voronezh', Kursk', Orel', Tambov' guberniyas at the 1860-1890 are envisaged. The peasant efforts to provide of their economy stability are especially illuminated and depicted.

Key words: peasant economy, land possession, land using.

³² Сваницкие З.М. и Н.А. Земские подворные переписи 1880–1913. Поуездные итоги. С.22–25, 28–29.

³³ Дружинин Н.М. Русская деревня на переломе. 1861–1880 гг. С.144–145.

³⁴ Статистический временник Российской империи. Сер.3. Вып.10. Поземельная собственность Европейской России. 1877–1878 гг. С.40–41; Статистика землевладения 1905 г. Вып.5. С.26; Статистика землевладения 1905 г. Вып.20. С.26; Статистика землевладения 1905 г. Вып.24. С.26; Статистика землевладения 1905 г. Вып.37. С.28.